

УДК 343.242

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-94-103

СУЩНОСТЬ И ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Лапшин В. Ф.¹, Корнеев С. А.²

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Настоящее исследование предполагает научное обоснование необходимости разграничения уголовной ответственности несовершеннолетних преступников и иных мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим запрещённое уголовным законом деяние в несовершеннолетнем возрасте.

Процедура и методы. В процессе исследования комплексно применялись различные методы научного познания, используемые в гуманитарных (юридических) исследованиях: диалектический, сравнительный анализ, формально-логический.

Результаты. По итогам исследования установлено, что принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные Уголовным кодексом РФ (УК, УК РФ) и применяемые к несовершеннолетним, совершившим запрещённое общественно опасное деяние, в действительности не являются разновидностью формы реализации уголовной ответственности. Их целевое назначение сводится к обеспечению правильного восприятия несовершеннолетним общих социальных ценностей, которые охраняются уголовным законом, а также понимания недопустимости нарушения этих общественных отношений в будущем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Для современной науки уголовного права значимость сформулированных выводов заключается в формировании основы для разграничения различных форм реализации уголовно-правового воздействия на 2 группы: уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера. Практическое значение представленной работы может быть выражено в корректировке подходов к применению принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку их функциональная сущность сводится к воспитанию несовершеннолетнего и завершению процесса формирования его личности, а не к воздаянию (каре) за совершённое общественно опасное деяние.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, формы реализации уголовной ответственности, уголовная ответственность несовершеннолетних, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия, смягчающие наказание обстоятельства

THE ESSENCE AND PURPOSE OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

V. Lapshin¹, S. Korneev²

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service

1, Sennaya ul., Ryazan, 390000, Russian Federation

Abstract

Aim. This study assumes scientific substantiation of the need to differentiate the criminal liability of juvenile criminals and other measures of criminal law enforcement applied to persons who have committed an act prohibited by the criminal law as a minor.

Methodology. In the process of research, various methods of scientific knowledge used in humanitarian (legal) studies were comprehensively applied: dialectical, comparative analysis, formal-logical.

Results. According to the results of the study, it was found that the coercive measures of educational influence provided by the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code, CC) and applied to minors who have committed a prohibited socially dangerous act, in fact, are not a form of implementation of criminal liability. Their purpose is to ensure the correct perception by minors of general social values that are protected by criminal law, as well as an understanding of the inadmissibility of violating these social relations in future.

Research implications. For the modern science of criminal law, the significance of the formulated conclusions lies in the formation of a basis for distinguishing between various forms of implementation of criminal law impact on 2 groups: criminal liability and other measures of a criminal law nature. The practical significance of the presented work can be expressed in the adjustment of approaches to the use of compulsory measures of educational influence, since their functional essence is reduced to the upbringing of a minor and the completion of the process of forming his personality, and not to retribution (punishment) for the committed socially dangerous act.

Keywords: criminal law impact, forms of criminal responsibility implementation, criminal responsibility of minors, other measures of criminal law nature, compulsory measures of educational influence, mitigating circumstances

Введение

В современной уголовно-правовой науке не прекращаются споры о дифференциации и формах реализации уголовной ответственности. Исследователи высказывают, порой, противоположные по своему содержанию мнения, но при этом каждое из них основывается на нормах действующего уголовного закона.

Действительно, положения УК не содержат официального понятия, например, уголовной ответственности, форм её реализации, не раскрывают сущности и специфических особенностей института иных мер уголовно-правового характера и проч. Всё это обеспечивает возможность для предположения, что *любая* мера, закреплённая в уголовном законе, может рассматриваться в качестве формы реализации ответственности за совершённое преступление, а институт иных мер уголовно-правового характера, в т. ч. и принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ), применяемые к несовершеннолетним, являются составной частью объёма уголовной ответственности.

Подобный подход, несмотря на некую правовую обоснованность, что вызвано, вероятно, низким качеством законодательной техники построения современных уголовно-правовых предписаний, поскольку применение, например, только принудительных мер медицинского характера исключает уголовную ответственность, поскольку лицо не способно осознать значение и цель его принудительного лечения. В этой связи остаётся неразрешённым вопрос о принудительных мерах воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним, но уже достигшим минимального возраста уголовной ответственности. Нормы действующего УК, к сожалению, позволяют рассматривать их и в качестве формы уголовно-правового воздействия, альтернативной уголовной ответственности, и в качестве составной части последней.

Подобное обстоятельство указывает на необходимость изучения сущности применяемых только к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, для выявления истинной цели их применения, равно как и места в системе форм уголовно-правового воздействия.

Задачи принудительных мер воспитательного воздействия (ПМВВ)

Изучение положений уголовного закона, а также материалов специальных научных исследований, позволяет сформулировать определение, в соответствии с которым иные меры уголовно-правового характера представляют собой совокупность мер государственного принуждения, назначаемых на основании решения суда. Иные меры уголовно-правового характера применяются к лицу, совершившему деяние, запрещённое уголовным законом, и заключаются в предусмотренном УК РФ принудительном ограничении прав и свобод лица, обусловленном его возрастом, а также психическим состоянием как в момент совершения общественно опасного деяния, так и после его совершения.

Разновидностью «иных мер» можно признать и ПМВВ, т. к. они обладают всеми юридически значимыми признаками, присущими указанному институту. Так, ПМВВ являются уголовно-правовой мерой государственного принуждения [18, с. 31, 45; 14, с. 19], в связи с чем не следует разделять мнение, что они могут быть отнесены к области административно-правового регулирования [7, с. 113]. Сложно поддержать и решение об исключении из российского уголовного закона ПМВВ, назначаемых при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, с созданием нового федерального закона, регламентирующего их назначение и реализацию [7, с. 101].

Эти сомнения вызваны тем, что определение общественной опасности деяния, преступности и наказуемости деяния, уголовной ответственности деяния, мер уголовно-правового воздействия, в т. ч. иных мер уголовно-правового характера, куда, безусловно, включаются ПМВВ, – это предмет уголовно-правового регулирования. Выделение указанных мер в отдельный нормативный акт нарушает, во-первых, логику деления всего права на отрасли, а во-вторых, общие правила законодательной техники о компактности, системности

и унификации положений одного и того же института права.

Анализ норм уголовного закона свидетельствует, что сущность ПМВВ может быть сведена к мере государственного принуждения, применяемой в отношении несовершеннолетнего лица, совершившего общественно опасное деяние, при условии его освобождения от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ), либо в отношении лица, совершившего преступление, если речь идёт об освобождении от уголовного наказания (ст. 92 УК РФ). Указанный факт свидетельствует о противоречивости законодательной регламентации данного института уголовного права, вследствие чего не утрачивается потребность в проведении специального исследования, дополнительного анализа уже имеющихся научных работ с целью устранения заявленной проблемы [13, с. 464].

За последнее время в доктрине уголовного права имеет место быть устоявшееся мнение отдельных исследователей, которое заключается в отождествлении между собой наказания и ПМВВ, рассмотрении последних либо в качестве форм реализации уголовной ответственности, либо в качестве карательных мер, представляющих собой составную часть уголовной ответственности [9, с. 210; 5, с. 8]. Представляется, что данная точка зрения является дискуссионной. Так, ПМВВ сложно признать карательной мерой уголовно-правового характера. Цель рассматриваемых мер не может быть карательной по определению, а в содержании кары практически невозможно найти то, что сближает её с воспитанием. В случаях же отмены ПМВВ и привлечения несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности либо назначения ему наказания карательная сущность, безусловно, присутствует, однако она включена в объём уголовной ответственности, в частности, непосредственно определённого вида наказания.

Справедливо суждение учёных, что ПМВВ, в отличие от наказания, полностью лишены карательной сущности, т. к. в области защиты прав несовершеннолетних превалирует

принцип воспитуемости, а не наказуемости. Более того, использование карательной парадигмы в решении проблем преступности несовершеннолетних неэффективно как с экономической точки зрения, так и с социальной. Прав был и С. А. Боровиков, отмечая, что, несмотря на имеющиеся различия в юридической природе, не нужно производить разделение данных мер, а полностью включить их в иные меры уголовно-правового характера, обособив эту группу и отделив от остальных уголовно-правовых мер по примеру наказания [1, с. 36].

Действительно, ПМВВ по своей социально-правовой природе схожи с ПММХ и должны относиться к разряду иных, обособленных от уголовной ответственности мер по ряду причин. Так, в психологии, наряду с хронологическим возрастом, выделяется биологический, социальный и, соответственно, психологический. Биологический возраст характеризует состояние организма, социальный – подразумевает под собой показатель профессиональных возможностей, и нередко ни тот, ни другой не совпадают с паспортным возрастом лица [8, с. 62].

В научной литературе выделяются основные характеристики несовершеннолетнего возраста (14–18 лет), послужившие совершению общественно опасного деяния:

– физическое и нравственное созревание, приобретение определённой системы знаний и навыков, подготовка к включению в полном объёме в жизнедеятельность общества, к выполнению в нём «взрослых» функций [12, с. 7];

– лёгкая внушаемость и подверженность чужим влияниям, аффективность и неадекватность реакции на жизненные ситуации, легкая возбудимость и излишняя раздражительность, упрямство, повышенная потребность в общении, стремление к самостоятельности, конфликтность [17, с. 170];

– дисгармония в мотивационно-волевой сфере, «заклеймённость», девиантное поведение [4, с. 4; 14, с. 41; 16, с. 290];

– слабый прогноз и оценка ситуационных обстоятельств и собственных дей-

ствий, а также слабость волевого контроля деятельности;

– аномальная личностная незрелость, которая образует патопсихологический синдром, включающий в себя особенности интеллектуальной, мотивационной, морально-этической сфер, а также организации и волевого контроля поведения;

– личностная незрелость, которая является фактором, влияющим на потенциальную способность и актуальную возможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий либо руководить ими [18, с. 7–8].

Таким образом, несовершеннолетнее лицо, совершившее общественно опасное деяние, в силу возрастной невменяемости (социальной незрелости), равно как лицо, страдающее психическим расстройством, в силу душевного состояния, не способно должным образом и (или) в должной мере дать отчёт в содеянном, осознать, понять, за что его наказывают, почему именно оно вынуждено претерпевать негативные последствия совершения общественно опасного деяния в виде лишений и правоограничений. Несовершеннолетний не способен на это по причинам, в которых больше объективного, чем субъективного. Именно поэтому и возложение на него лишений и правоограничений, вызванных реализацией мер уголовной ответственности, в т. ч. наказанием, во многих случаях невозможно ввиду его возраста.

Содержание принудительных мер воспитательного воздействия, определяемое современной судебной практикой по уголовным делам

Перечисленные «изъяны» личностного портрета, присущие подростковому возрасту, находят своё отражение и в материалах уголовных дел, возбуждаемых в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Так, в приговоре Курского районного суда Ставропольского края обращено внимание на характеристики несовершеннолетних Ш. и Л., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК

РФ, а именно: отсутствие интереса к учёбе, общественной жизни класса, конфликтность, демонстративность, агрессивность, замкнутость, склонность к обману, отсутствие положительного влияния со стороны опекуна. Определяя окончательную меру уголовно-правового характера, суд учёл ряд позитивных факторов, имеющих значение для индивидуализации уголовно-правового воздействия, а именно:

- необходимость несовершеннолетних в особых условиях воспитания и обучения, требующих специального педагогического подхода;
- личность подсудимых;
- несовершеннолетний возраст;
- условия их жизни и воспитания;
- уровень психического развития;
- влияние на них старших по возрасту лиц.

Учитывая совокупность всех перечисленных выше обстоятельств, суд пришёл к выводу о возможности освобождения Ш. и Л. от уголовного наказания в виде лишения свободы на срок 1 год и помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа с установлением того же срока¹.

Рыбинский городской суд Ярославской области указал на возможность социальной адаптации, реинтеграции несовершеннолетнего Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, без применения уголовного наказания. Как следствие, уголовное дело в отношении подсудимого было прекращено с применением к нему отличной от наказания принудительной меры воспитательно-воздействия в виде предупреждения².

В постановлении Иглинского районного суда Республики Башкортостан указыва-

ется, что государственный обвинитель И. и потерпевший А. считают невозможным прекращение дела в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. По мнению стороны обвинения, такое решение не обеспечит «достижения в этом случае целей уголовной ответственности». Суд, принимая во внимание совокупность всех установленных по делу фактов, имеющих юридическое значение, постановил прекратить уголовное дело в отношении К. в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия³, тем самым обособив её от уголовной ответственности.

Городовиковский районный суд Республики Калмыкия постановил применить к несовершеннолетнему Ш. принудительные меры воспитательного воздействия в виде предупреждения, передачи его под надзор специализированного государственного органа сроком на 6 месяцев, ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего сроком на 6 месяцев. При этом суд установил и учёл следующие юридически значимые факты:

- отсутствие надлежащего воспитания и достаточного контроля со стороны законного представителя несовершеннолетнего Ш.;
- отличное от целей уголовной ответственности целевое предназначение выбранной меры уголовно-правового характера, которое заключается в «осуществлении надлежащего воспитательного воздействия на несовершеннолетнего, постоянном контроле, ограничении досуга и установлении особых требований к поведению»⁴.

¹ Приговор № 1-235/2019 1-28/2020 по уголовному делу № 1-235/2019 от 14.02.2020 // Архив Курского районного суда Ставропольского края: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sl0wWRTGVvxo> (дата обращения: 18.04.2021).

² Постановление № 1-210/2020. по уголовному делу № 1-210/2020 от 13.05.2020 г. // Архив Рыбинского городского суда Ярославской области: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NIZz4GQcfYdv> (дата обращения: 18.04.2021).

³ Постановление № 1-87/2020 по уголовному делу № 1-87/2020 от 27.04.2020 г. // Архив Иглинского районного суда Республики Башкортостан: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eQ9B1Rirufbr> (дата обращения: 18.04.2021).

⁴ Постановление № 1-36/2020 по уголовному делу № 1-36/2020 от 20.05.2020 г. // Архив Городовиковского районного суда Республики Калмыкия: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mrxmLA2ORgri> (дата обращения: 18.04.2021).

Таким образом, исходя из содержания всех судебных решений, рассмотренных в процессе исследования, установлено, что ПМБВ в судебной практике представляют собой уголовно-правовой институт, содержащий меры государственного принуждения, не являющиеся формой реализации уголовной ответственности.

Социально-правовая сущность принудительных мер воспитательного воздействия

Сущность ПМБВ сводится к лишениям и ограничениям, испытываемым несовершеннолетним, совершившим общественно опасное деяние, не являющееся преступлением. В теории уголовного права возникают трудности с определением содержания этих правоограничений. По мнению специалистов, они направлены на оказание помощи, обеспечение социальной, психологической, педагогической реабилитации, коррекции поведения и адаптации в обществе; сводятся к лишению осужденного права выбора места жительства и пребывания, ограничению права передвижения по территории РФ; совмещению в себе и воспитательных (психологических, педагогических) и принудительных (изоляционных и правоограничительных) компонентов [2, с. 73–74; 6, с. 237; 10, с. 15].

Лишения и ограничения, испытываемые лицом в результате применения ПМБВ, содержат как воспитательный, так и принудительный элементы. В зависимости от целей, преследуемых законодателем в отношении несовершеннолетних, в уголовном законе предусмотрены различные меры уголовно-правового воздействия. Так, для изоляции несовершеннолетнего осужденного, его исправления, восстановления социальной справедливости, общей и частной превенции совершения новых преступлений применяется наказание в виде лишения свободы с отбыванием в учреждениях ФСИН России. Для воспитания же несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, могут быть применены ПМБВ (ст. 90–92 УК РФ).

Принудительная мера воспитательного воздействия помещению несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа включает в свой объём признаки и воспитательного, и принудительного характера, но в то же время порождает ряд дискуссий в доктрине уголовного права. Отдельные исследователи полагают, что рассматриваемая мера отождествляется с уголовным наказанием; является более строгой мерой, чем ПМБВ; представляет самостоятельную, обособленную форму реализации уголовной ответственности. По этим причинам помещению несовершеннолетнего лица в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа должно быть исключено из рассматриваемого института, в т. ч. из-за его отсутствия в исчерпывающем перечне ПМБВ [3, с. 20; 11, с. 83; 17, с. 102–103].

Но большинство из приведённых мнений носит дискуссионный характер.

Во-первых, в соответствии с нормой уголовного закона, руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, помещению несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является «принудительной, некарательной мерой воспитательного воздействия, принимаемой к несовершеннолетнему, который нуждается в особых условиях воспитания, обучения и требует специального педагогического подхода» (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Соответственно, сложно признать справедливость суждения отдельных исследователей по поводу отсутствия рассматриваемой меры в перечне ПМБВ.

Во-вторых, в уголовном законе представлен исчерпывающий список как наказаний (ст. 44 УК РФ), так и наказаний несовершеннолетних (ст. 88 УК РФ). Дополнение того или иного перечня считается необоснованным, т. к., исходя из толкования закона, помещению несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – это освобождение от наказания, а не привлечение к нему.

В-третьих, действительно, помещению несовершеннолетнего в специальное учеб-

но-воспитательное учреждение закрытого типа является наиболее суровой мерой в сравнении с другими мерами воспитательного воздействия. Однако это не позволяет приравнивать помещение несовершеннолетнего в указанное учебно-воспитательное учреждение к уголовной ответственности, в частности, к наказанию в виде лишения свободы. Учреждения ФСИН России не сопоставимы со специализированными помещениями специального типа по объёму лишений и правоограничений. Здесь же следует обратить внимание, что минимальный возраст несовершеннолетнего воспитанника данного учреждения составляет 11 лет, а ведомственная подчинённость указанных учреждений закрытого типа определяется структурой органов и учреждений Министерства просвещения РФ.

В-четвёртых, к обременениям, испытываемым несовершеннолетним при помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, относятся изоляция, ограничение свободы, соблюдение специальных требований режима, учебы, организация труда или лечения. Указанные лишения и ограничения практически идентичны тем, которые возникают при применении принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа. Представляется, что обе организации выполняют изоляцию человека от общества, однако при этом они не могут отождествляться с учреждениями УИС.

В-пятых, специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа создаётся для обучающихся, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода. В учреждения закрытого типа могут быть помещены несовершеннолетние 11–18 лет, если они:

– не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

– достигли возраста уголовной ответственности, но не привлекаются к ней вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. По этой причине они во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;

– осуждены за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ (п. 4 ст. 15 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ¹).

Таким образом, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа не предусмотрено отдельных, суровых условий для несовершеннолетних лиц, освобождённых от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ. Для всех перечисленных категорий лиц созданы единые требования и условия, направленные на их воспитание, обучение, социальную адаптацию, реинтеграцию и возвращение в социум. Исходя из этого, «помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» – это обособленная от уголовной ответственности ПМВВ [2, с. 69; 21].

Заключение

Иные меры уголовно-правового характера реализуются посредством ПММХ и ПМВВ. Лишения и правоограничения, представляющие собой сущность каждой из выделенных форм реализации иных мер уголовно-правового характера, обладают рядом общих юридически значимых признаков, а именно:

– применяются только на основании судебного решения к лицу, совершившему деяние, запрещённое уголовным законом;

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14023/page/1> (дата обращения: 18.04.2021).

– носят принудительный характер;
– реализуются в течение определённого законом срока и зависят от состояния здоровья лица, совершившего деяние, запрещённое уголовным законом, и иных его индивидуальных особенностей;
– могут быть реализованы только в отношении лица, которое не способно осознавать свои действия и руководить ими в процессе совершения деяния, запрещённого уголовным законом;

– применяются с целью воспитания несовершеннолетнего, излечения лица, страдающего психическим расстройством, или улучшения его психического состояния, а также предупреждения совершения новых деяний, предусмотренных уголовным законом.

Статья поступила в редакцию 11.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровиков С. А. О месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 34–38.
2. Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.
3. Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 21 с.
4. Ганишина И. С. Психокоррекционная программа помощи несовершеннолетним с девиантным (делинквентным) поведением: пособие. Рязань, 2005. 29 с.
5. Иванов П. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 24 с.
6. Казакова Т. А. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних в сфере реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей: исторический аспект // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Пермь, 2020. С. 234–237.
7. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 269 с.
8. Кроник А. А., Головаха Е. И. Психологический возраст личности // Психологический журнал. 1983. № 5. С. 57–65.
9. Неткачев К. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском районе. Красноярск, 2003. С. 207–211.
10. Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 31 с.
11. Понятовская Т. Г. Наказания, назначаемые несовершеннолетним: снисхождение или безнаказанность? // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 80–84.
12. Прокументов Л. М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск: Изд-во ТГПУ, 1999. 201 с.
13. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. 2020. № 4. С. 460–472.
14. Репьева А. М., Ботвин И. В., Ермакова О. В. Формирование института принудительных мер воспитательного воздействия: закон, теория, практика. Барнаул, 2019. 107 с.
15. Скрипченко Н. Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 16–21.
16. Тюрина И. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как средство предупредительного воздействия // Вестник воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 286–292.
17. Устинова В. В. О характере мер воздействия, применяемых КДН к правонарушителям и их родителям // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1971. Вып. 13. С. 99–114.
18. Федонкина А. А. Личностная незрелость у несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального личностного развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 23 с.

19. Энциклопедия уголовного права. Т. 11. Уголовная ответственность несовершеннолетних / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2008. 230 с.
20. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия. Тольятти, 2018. 337 с.
21. Brovkina A. A., Vezlomtsev V. E., Zakharova S. S., Shuranova O. A., Truntsevsky Yu. V. System of criminal penalties of Russian federation: legal regulation and sentencing practice // E3S Web of Conferences. 2019. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2019/61/e3sconf_itese18_04066.pdf (дата обращения: 05.04.2021.).

REFERENCES

1. Borovikov S. A. [On the place of compulsory measures of educational influence in the system of measures of a criminal-legal nature]. In: *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Penitentiary system: law, economics, management], 2006, no. 3, pp. 34–38.
2. Borovikov S. A. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних* [Compulsory educational measures as an alternative to punishing minors]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 176 p.
3. Borovykh L. V. *Problemy vozrasta v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Age problems in the mechanism of criminal law regulation: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Ekaterinburg, 1993. 21 p.
4. Ganishina I. S. *Psikhokorreksionnaya programma pomoshchi nesovershennoletnim s deviantnym (delinkventnym) povedeniem* [Psycho-correctional program for helping minors with deviant (delinquent) behavior]. Ryazan, 2005. 29 p.
5. Ivanov P. V. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия в уголовном праве: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Forced measures of educational influence in criminal law: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Rostov-on-don, 2003. 24 p.
6. Kazakova T. A. [Activities of commissions on juvenile affairs in the field of implementation of compulsory measures of educational influence on juvenile offenders: a historical aspect]. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya* [Penitentiary system and society: experience of interaction]. Perm, 2020, pp. 234–237.
7. Karelin D. V. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: dis. ... kand. yurid. nauk* [Compulsory educational measures as an alternative to criminal liability: PhD thesis in Juridical sciences]. Tomsk, 2001. 269 p.
8. Kronik A. A., Golovakha E. I. [Psychological age of a person]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological sciences], 1983, no. 5, pp. 57–65.
9. Netkachev K. N. [Compulsory educational measures as a form of implementation of criminal liability]. In: *Aktualnye problemy borby s prestupnostyu v Sibirskom raione* [Actual problems of combating crime in the Siberian region]. Krasnoyarsk, 2003, pp. 207–211.
10. Povodova E. V. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Compulsory measures of educational influence: problems of theory and legal regulation: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2005. 31 p.
11. Ponyatovskaya T. G. [Punishments imposed on minors: leniency or impunity?]. In: *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminalists and Criminologists], 2013, no. 1, pp. 80–84.
12. Prozumentov L. M. *Problemy preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnikh* [Problems of prevention of juvenile delinquency]. Tomsk, TGPU Publ., 1999. 201 p.
13. Pudovochkin Yu. E. [Criminal measures and criminal liability: scientific discussion and search for a solution]. In: *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science], 2020, no. 4, pp. 460–472.
14. Repeva A. M., Botvin I. V., Ermakova O. V. *Formirovanie instituta prinuditel'nykh мер воспитательного воздействия: zakon, teoriya, praktika* [Formation of the institution of compulsory educational measures: law, theory, practice]. Barnaul, 2019. 107 p.
15. Skripchenko N. Yu. [Concept and types of other measures of a criminal-legal nature]. In: *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2011, no. 2, pp. 16–21.
16. Tyurina I. N. [Compulsory measures of educational influence as a means of preventive influence]. In: *Vestnik voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1, pp. 286–292.
17. Ustinova V. V. [On the nature of the penalties applied by the KDN to offenders and their parents]. In:

- Voprosy borby s prestupnostyu* [Crime issues], 1971, no. 13, pp. 99–114.
18. Fedonkina A. A. *Lichnostnaya nezrelost u nesovershennoletnikh pravonarushitelei v ramkakh normal'nogo i anomal'nogo lichnostnogo razvitiya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal immaturity in juvenile delinquents within the framework of normal and abnormal personal development: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2019. 23 p.
 19. Malinin V. B., ed. *Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 11. Ugolovnaya otvetstvennost nesovershennoletnikh* [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 11. Criminal liability of minors]. St. Petersburg, 2008. 230 p.
 20. Yakushin V. A. *Nakazanie i inye mery ugovno-pravovogo vozdeistviya* [Punishment and other measures of criminal law influence]. Togliatti, 2018. 337 p.
 21. Brovkina A. A., Vezlomtsev V. E., Zakharova S. S., Shuranova O. A., Truntsevsky Yu. V. System of criminal penalties of Russian federation: legal regulation and sentencing practice. In: *E3S Web of Conferences*, 2019. Available at: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2019/61/e3sconf_itese18_04066.pdf (accessed: 05.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лапшин Валерий Фёдорович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета;
e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Корнеев Сергей Александрович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: kornei_lam@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery F. Lapshin – Dr. Sci.(Law), Assoc. Prof., Prof., Department of Criminal Law, Moscow Region State University;
e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Sergey A. Korneev – Graduate Student, Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service;
e-mail: kornei_lam@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лапшин В. Ф., Корнеев С. А. Сущность и целевое назначение принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 94–103.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-94-103

FOR CITATION

Lapshin V. F., Korneev S. A. The Essence and Purpose of Compulsory Measures of Educational Influence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 94–103.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-94-103